

The background of the cover is a photograph of an interior space. It features a large, arched window with a grid of panes, through which bright sunlight is streaming. The floor is covered in a checkered tile pattern, and the shadows of the window frame are cast across it. To the left, there are yellow curtains. On the right, a small, dark wooden chair is visible. A green banner with white text is overlaid on the upper part of the image.

О.В. КЛЕЩЕВИЧ

ИЕРОГЛИФИКА
Петергофа

Ольга Клещевич

**Иероглифика Петергофа.
Алхимические аллюзии в
символике Петергофского
садово-паркового ансамбля**

«Алетейя»

2017

УДК 712
ББК 85.118.7

Клещевич О. В.

Иероглифика Петергофа. Алхимические аллюзии в символике
Петергофского садово-паркового ансамбля / О. В. Клещевич —
«Алетейя», 2017

ISBN 978-5-906860-52-1

Неожиданный поворот – описание символики садово-паркового ансамбля Петергофа как отражение увлечения его зачинателя и творца императора Петра I широко распространенной в начале Нового времени герметической философией. Книга приглашает к путешествию внутрь алхимической реторты, эмблематически вписанной в план Петергофского парка, внутрь барочного лабиринта, создающего неповторимую и уникальную игру, усовершенствованную и поддерживаемую в течении более полутора веков выдающимися архитекторами – продолжателями петровской традиции. Следуя предложенному автором маршруту обхода парка, читатель сможет сам убедиться в правомерности игровой алхимической гипотезы и проследить, как, в продолжение тенденций эпохи Возрождения, в герметической философии эпохи барокко преломлялись дух и содержание античных мифов, наложивших специфический отпечаток на культурные коды эпохи, с таким упорством и несокрушимой волей привитые на древо русской культуры императором Петром I. Книга адресована всем, кто влюблен в Петергоф, всем интересующимся эзотериологией, русской и европейской культурой эпохи барокко.

УДК 712
ББК 85.118.7

ISBN 978-5-906860-52-1

© Клещевич О. В., 2017

© Алтейя, 2017

Содержание

Введение	7
Глава 1. Создатель Петергофа и алхимическая традиция	11
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ольга Клещевич
Иероглифика Петергофа. Алхимические
аллюзии в символике Петергофского
садово-паркового ансамбля

Памяти моей мамы

© О. В. Клещевич, 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

Введение

«Произошло это от обычая египтян, которые, по-видимому, впервые начали заниматься философией и все свои представления о божественном вкладывали в иероглифы и некие знаки по подобию».¹

В прежние времена, каждый раз, собираясь съездить в Петергоф, я ощущала непонятное томление, погружение в трепетное состояние, сопровождаемое нетерпеливым ожиданием момента, когда, войдя в ворота Верхнего парка, произнесу, раскрываясь, словно чуду, навстречу: «Здравствуй, вот и я!» Так повторялось из года в год, и мне ни разу не приходил в голову вопрос – «почему так происходит?», пока однажды, делаясь с кем-то впечатлением, которое производит на меня Петергофский парк, я вдруг, неожиданно сказала: «А ведь внутри садово-паркового ансамбля в Петергофе с человеком происходит алхимический процесс, да и сам парк сконструирован, как алхимическая реторта!» Эта фраза мгновенно сделала понятным, почему Петергоф оказывает такое благотворное влияние, не только на физическое самочувствие, но и на психику человека. Если бы в сезон фонтанов в парке находилось поменьше посетителей на квадратный метр площади, лечебный эффект проявлялся бы еще явственнее. К тому же, в последние годы стало заметно, что целебное воздействие ансамбля возрастает пропорционально расширению восстановительных и реставрационных работ, возвращающих Петергофу статус сада раннего Нового времени, когда сад воспринимался «ни чем иным как музеем природы и искусства под открытым небом, “кабинетом природы и искусства” или “театром чудес” природы»,² а это значит, что парк посредством этих мероприятий все больше и больше раскрывается навстречу посетителю, расширяя свои возможности поделиться с ним своей внутренней силой.

По мере работы над этой темой, чем больше я убеждалась в справедливости моих «догадок», тем больше мне хотелось разобраться в причине происходящего, в механизме воздействия парка на посетителя. Я всегда была убеждена, что рукотворные ландшафты, подобные Петергофу, воздействуют на человека не только посредством своих конструктивных особенностей, создающих «дышащие формы» со «слабым мерцанием».³ В феномене их воздействия есть еще что-то кроме прямых природных факторов или художественного замысла ландшафтного архитектора. Несомненно, что первую скрипку здесь ведет мировоззрение создателей, заключенное в архитектурно-ландшафтный комплекс, поскольку «формообразование – это выражение идей, принципов, символов, знаков, которые складываются в комплекс. С точки зрения семиотики стиль эпохи – парадигма сознания, которая включает в себя отдельные духовные концепты»,⁴ и в этом смысле важно выяснить назначение предпринятого сооружения, которое определяет его значение, те конкретные актуальные обстоятельства, породившие потребность в строительстве Петергофа таким, каков он есть.

Занимаясь изучением «Философских обитателей» Фулканелли⁵ к тому времени уже достаточно продолжительное время, я, постепенно, все глубже проникалась мыслью, что моя гипотеза

¹ Прокопович Ф. О поэтическом искусстве / Пер. Г. А. Стратановского // Феофан Прокопович. Сочинения. М., Л.: Издательство Академии наук, 1961. С. 343.

² Йонг Э. А. де. “Paradis Batavus”: Петр Великий и нидерландская садово-парковая архитектура // Петр I и Голландия. Русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого. Сб. науч. тр. СПб.: Европейский дом, 1997. С. 293

³ Вёльфлин Г. Основные понятия истории искусств: Проблема эволюции стиля в новом искусстве. М.: Издательство В. Шевчук, 2013. С. 77.

⁴ Шмелев А. А. Философский сад Шуваловых. Мистерия алхимии // Русская усадьба. Сборник общества изучения русской усадьбы Вып. 15 (31). М.: Издательство «Улей», 2009. С. 142.

⁵ Фулканелли – псевдоним герметического философа, о личности которого ведутся споры, написавшего в XX в. два зна-

теза о том, что садово-парковый комплекс Петергофа схематически представляет собой алхимическую реторту, а его символическая программа, следовательно, описывает алхимический процесс, может иметь под собой основание. Очевидно, что садово-парковое искусство обладает собственным языком выражения, со своим словарем, и подчиняется особой грамматике – конструкционным правилам, и самое главное, предполагает вполне независимую от конкретного пользователя «прагматику» своего функционирования. В Петергофе все это в один голос указывало на алхимический источник всего комплекса.

И вот в один прекрасный теплый осенний день, вооружившись полевым биноклем, я отправилась в Петергофский парк, поставив себе задачу рассмотреть, во всех подробностях, детали фонтанов и принять окончательное решение относительно своих догадок. Не даром О. Шпенглер писал, что «барочный парк – это парк позднего времени года, близкого конца, опадающих листьев».⁶ Фонтаны, в окружении золотой и пламенеющей листвы на фоне ярко-голубого неба, рассматриваемые в бинокль, меня просто «оглушили». Они заговорили со мной совершенно на другом языке, а детали фонтана «Нептун» Верхнего парка окончательно и бесспорно убедили меня, что моя гипотеза не беспочвенна, и вернувшись домой, я принялась за герменевтическую работу, цель которой заключалась в исследовании Петергофского садово-паркового ансамбля в его непосредственных связях с эпохой раннего Нового времени, сквозь призму парадигмы его мировоззрения, пропитанного идеями герметизма. Невзирая на принятый подход к изображению, как к имеющему менее ясное значение нежели слово и отсюда – различные токования, следует наложить его на контекст эпохи, что очевидным образом прояснит ситуацию и даст почти однозначную его интерпретацию. В таком случае иконография⁷ сливается с иероглификой⁸ и превращается в инструмент исторической реконструкции.

Для проверки гипотезы и доказательства существования алхимического кода в построении Петергофского садово-паркового ансамбля, прежде всего следовало обратиться к интересам и пристрастиям его вдохновителя и первого строителя – императора Петра Великого, ибо смысл творения можно понять только исходя из истории его создания, источников его вдохновения и философии, что возможно только через осмысление его деятельности как творца. Для этой процедуры необходимо выяснить – насколько глубоко он мог находиться в русле герметических настроений и веяний своего времени, чтобы задумать и осуществить садово-парковый ансамбль, отражающий процесс Великого Делания. Особо отмечу, что для появления подобной идеи, а затем и воплощения ее в парковом ансамбле совершенно не имеет значения тот факт, был ли первый российский император масоном, или нет.⁹ Можно даже вслед за А. Н. Пыпиным, и другими авторами, боящимися как заразы «масонской чумы» в отношении российских императоров и членов их семей, игнорировать «масонские предания», приписывающее введение масонства в России Петру, иронизируя: «Он, будто бы, принят был в масонство самим Кристофером Вреном (или Реном, Wren), знаменитым основателем нового английского масонства; первая ложа существовала, будто бы в России еще в конце XVII-го.

чительных алхимических трактата «Тайна Соборов» и Философские обители», по-новому осветивших готические и барочные архитектурные памятники Франции.

⁶ Шпенглер О. Закат западного мира. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. С. 270.

⁷ Иконография – это метод, который «ориентирован на усвоение прямого, предметного значения, когда можно ответить на вопрос, что именно изображено». – Ванеян С. С. Архитектура и иконография. «Тело символа» в зеркале классической методологии. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 29.

⁸ Иероглифика – постижение смысла тайных знаков и символов, по словам М. Нострадамуса, «в которых истина сокрыта, ведомая древним» – Нострадамус М. Предисловие переводчика для госпожи принцессы Наваррской / Пер. Д. В. Морозова // Иероглифика Горатоллона. См.: Пензенский А. Мишель Нострадамус: Эпоха великого прорицателя. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 129.

⁹ См.: Бутузов Г. А. Герметическая традиция в России и Украине XVIII века/ Авторский перевод статьи // «Cauda Pavonis», № 19–1, Spring 2000. URL: <http://tzone.kulichki.com/religion/hermet/rustrad.html>.

А так же: *Zitser E.* A Mason-Tsar? Freemasonry and Fraternalism at the Court of Peter the Great. Paper presented at the Centre for Research into Freemasonry and Fraternalism, University of Sheffield, UK, 25 March 2009. столетия, мастером стула в ней был Лефорт, первым надзирателем Гордон, а вторым сам Петр Великой». ¹⁰ Важно здесь то, что Петр Великий, и это совершенно очевидно, как один из образованнейших людей своего времени, разделял его дух и взгляды, которые, хотим мы этого или нет, были пропитаны герметической философией и идеями розенкрейцеровского служения, в том числе, и в разработке и осуществлении архитектурных и ландшафтных идей. Именно эти тенденции раннего Нового времени наглядно демонстрируют, при должном внимании к деталям, Петергофский садово-парковый ансамбль.

Разобрав детали Петергофского парка с точки зрения барочной парадигмы, мы можем претендовать на создание историко-культурного изображения парка, включающее не только историческое, но и философское и духовное прочтение. Нетривиальный подход к интерпретации садово-паркового ансамбля Петергофа в герметическом ключе дает гораздо более широкий обзор культурных горизонтов начала Нового времени в России, чем это принято. Дешифровка аллегорической программы произведений искусства, заключенной в его иероглифике – семантической кодировке в конкретном культурном контексте, приводит к пониманию исторической проблемы общего характера, таким образом внося вклад не только в художественную, но и идеологическую историю эпохи, приводя нас к гораздо более широкому взгляду на процессы, определяющие историю культуры. И в этой связи не стоит бояться, что «внутренняя диалектичность документов состоит в том, что для адекватной интерпретации документа вы, приступая к интерпретации, уже должны предполагать ту информацию, которую стремитесь получить», ¹¹ приведет исследователя к «порочному кругу». Напротив, «каждое открытие новых исторических фактов и каждая новая интерпретация уже известных либо “впишутся” в преобладающую концепцию, укрепив или обогатив ее, либо повлекут незначительные, а иногда фундаментальные сдвиги, дав, т. о. новое освещение тому, что было известно ранее». ¹² К тому же, вычленение культурных кодов эпохи, в данном случае – герметических, снимает, «проблему отношений между иконографическими и стилистическими данными», ¹³ ибо благодаря такому подходу стиль обретает смысл не только на уровне символизации, но и способа изображения, как передачи метода видения, а по существу – его рецепта, в первоначальном смысле слова – «гарантии», ¹⁴ получения того, что прописано. Погружение в ауру «Алхимического Воображения», «гарантирует», что, следуя переданному художником способа восприятия, зритель проникнется мироощущением творца. Благодаря тому, что садово-парковый ансамбль предстает как воплощение определенной идеи и традиции, что называется, «на почве», мироощущение творца получает материальное, телесное измерение духовных процессов, что способствует более точному восприятию посыла. «Материальное можно рассматривать как конкретизацию, осуществление, реализацию замысленного, прочувственного и пережитого. Кроме того, опять же *телесность* – или метафорическая, или сакраментальная, или реальная – выступает *связующим звеном <> символизма*». ¹⁵ Таким образом, садово-парковый комплекс и материально – своей внутренней структурой и садовыми декорациями, и виртуально – своим планом, тематикой идей и их разворачиванием в пространстве сада, – существует ради телесного включения посетителя в сферу идей и концепций его творцов, путем

¹⁰ *Пытин А. Н.* Массонство в России. XVIII и первая четверть XIX в. М.: ВЕК. 1997. С.83.

¹¹ *Гинзбург К.* От Варбурга до Гомбиха. Заметки об одной методологической проблеме // Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. Сб. ст. / Пер. С. Л. Козлова. М.: Новое издательство, 2004. С. 76.

¹² *Пановски Э.* Смысл и толкование изобразительного искусства. СПб. 1999. С. 21.

¹³ *Гинзбург К.* Указ. соч. С. 77.

¹⁴ *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. М.: Рус. яз. 1994. С. 114.

¹⁵ *Ванеян С. С.* Архитектура и иконография. «Тело символа» в зеркале классической методологии. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 89.

освоения этого пространства через созерцание, восприятие, переживание и передвижение в заданном нарративом символической программы направлении, и творцы Петергофа воспользовались этим в полной мере.

Как бы ни язвителен был Александр Поуп (1688–1744), иронизируя над плантоманией, царившей во времена раннего Нового времени, в своей сатирической поэме «Дунсиада» (1728):

«Этот дурацкий рай, политиканов греза,
Воздушный замок, сон наш золотой,
Девы романтическое мечтанье,
Химических экспериментов жар
И поэтических видений славный дар»,¹⁶

непредвзятым посетителем, сад Петергофа, дедушка российской плантономании, до отказа наполненный всем перечисленным английским поэтом волшебством, всегда будет восприниматься Раем, и книга, предлагаемая вашему вниманию, постаралась найти тому объяснение.

¹⁶ Цит. по *Соколов М. Н.* Принцип Рая: главы об иконологии сада, парка и прекрасного вида. М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 536.

Глава 1. Создатель Петергофа и алхимическая традиция

*«Нет, больше чем батальные дела,
Славь ум его, ведь издавна была,
Как не обширна Русь, но для него мала.
О, светлый разум.*

*Понявший, что наука, мудрость, труд
Какие только горы не свернут,
Любой народ от темноты спасут,
Всех граждан разом».¹⁷*

В продолжение всего XVII и первой четверти XVIII в. в Западной Европе сохранялся и поддерживался интерес к герметической философии, в частности к алхимии, сопровождавшийся формированием разнообразных розенкрейцеровских и масонских обществ. Будучи западно-ориентированным и достаточно образованным человеком, царь Петр, не избежал интереса к этим явлениям культуры, что, несомненно, оказало влияние на проводимые им в России реформы. Однако одного только личного интереса царя для такого масштабного мероприятия было недостаточно. Вовлеченность в идеи Великого Делания, должны были разделять его соратники и сподвижники.

Из отечественной научной литературы об этом известно мало, более того, в России сформировалась давняя традиция подобный интерес отрицать. За рубежом, вероятно на фоне бурно развивающейся науки эзотериологии, несколько лет назад этой теме посвятил свою статью, озаглавленную «Интерес к алхимии при Петровском Дворе», английский исследователь Роберт Коллис. В ней, в частности, он отмечает, что не видит «никакого парадокса в том, что трое из самых образованных и западно-ориентированных людей в России того времени – Брюс, Прокорович и Эрскин, – имели интересы, чему есть многочисленные свидетельства, – прямо указывающие на увлечение алхимией при Петровском Дворе».¹⁸

Для иллюстрации отношения Петра Первого к этому феномену культуры Р. Коллиз обращается к воспоминаниям одного из сподвижников Петра, изобретателя А. К. Нартова. Нартов пишет, что в 1717 г. во время посещения Гааги, Петр отправился на встречу с заинтересовавшим его математиком и ученым-экспериментатором, хвалившимся, что изобрел метод точного расчета долготы. К разочарованию царя, претензии ученого оказались несостоятельными, и царь «засвидетельствовал, что сей человек далеко дошел в изобретении своем, познавая широту и долготу местности, но еще не достает [в том] некоторого в нем совершенства».¹⁹ Однако, не осуждая бесстрашного, но незадачливого экспериментатора, царь, пригласил его на русскую службу для дальнейшего исследования возможностей своей машины и подарил 100 червонцев, сказав сопровождающим его лицам: «Я нисколько не хую алхимиста, ищущего

¹⁷ Коолаарт-Хоофман Э. (1664–1736). Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу, императору всероссийскому, и прочая, и прочая и прочая // Вагеманс Э. Голландская ода о Петре Первом, или О плодах культурной стратегии русского царя на Западе // Культурные инициативы Петра Великого. Материалы II Международного конгресса петровских городов. СПб.: Европейский дом, 2011. С. 100.

¹⁸ Collis R. Alchemical Interest at the Petrine Court. *Esoterica*, Vol VII, (2005) Online peer-reviewed journal hosted by Michigan State University. URL: www.esoteric.msu.edu.

¹⁹ Нартов А. К. Рассказы Нартова о Петре // Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии Наук. Т. LII. № 8. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1891. С. 95.

превращать металлы в золото, механика, старающегося сыскать вечное движение, и математика, помогающего узнать долготу мест, для того, что, разыскивая чрезвычайное, внезапно изобретают многие побочные полезные вещи. Такого рода людей должно всячески ободрять, а не презирать, как то многие противное сему чинят, называя такие упражнения бреднями».²⁰

Р. Коллис утверждает, что этот случай свидетельствует о «подлинно толерантном и открытом отношении к эзотерическим занятиям, проводимом царем во время его правления», и «отображает заинтересованность царя в алхимических экспериментах, по крайней мере, в начале его первого Великого Посольства в Западную Европу в 1697–1698 годах».²¹ Правда, в вышедшей недавно коллективной монографии ««Небесная наука». Европейская алхимия и российское розенкрейцерство в XVII–XIX веках», утверждается, со ссылкой на П. Вальдена, что Петр был настроен против алхимии «поелику он уверен был, что тот, кто выдает себя деятелем золота, должен быть или обманщиком, или невеждой в химии».²² На мой взгляд, это говорит лишь о том, что, во-первых, царь относился к алхимии как чисто духовной традиции, а во-вторых, о том, что он был достаточно образован, чтобы отличать правду от вымысла, легенд и мифов.

Для того, чтобы подтвердить гипотезу относительно увлечения Петром I и его окружением алхимией, Р. Коллис не только анализирует каталог библиотеки императора, но и эзотерические интересы и каталоги библиотек его ближайших сподвижников, таких как Яков Брюс (1669–1735), Феофан Прокопович (1681–1736) и Роберт Эрскин (Арескин) (1677–1718), которые «были глубоко погружены в богатое и увлекательное наследие экспериментальных форм искусства, еще не захиревшего во времена, когда Европа начала свой переход к Новому времени»²³.

Великое Посольство, предпринятое Петром в 1697–1698 гг., чаще всего связывают с его страстным увлечением искусством судостроения, вылившемся в посещение им верфей Заандама, Амстердама и Лондона. Однако и в Англии, и в Голландии он встречался с известными учеными химиками. Р. Коллиз приводит множество тому примеров. В Голландии, например, он общался с выдающимся естествоиспытателем и химиком Германом Бургаве (1668–1738), врачом и будущим ректором Лейденского университета, убежденным в «полезности химического искусства алхимии».²⁴ Отчеты о высочайшем наблюдении за экспериментами в Англии не сохранились. Однако в разделе «Реляции» газеты «Малая Британия», издаваемой Дж. Брэдфордом, сообщалось о «сенсационном событии во время пребывания Петра в Лондоне, имевшем место 28 марта 1698»²⁵ – встрече царя с Моисеем Стрингером, преподавателем химии Оксфордского университета:

«Царь Петр попросил оксфордского профессора химии Стрингера показать ему на выбор несколько самых интересных химических экспериментов, бытующих в современной Англии. Стрингер предложил список из 24 экспериментов, относящихся к разным областям химической науки, в том числе к металлургии, “геометрии”, фармацевтике, а также – Философские эксперименты. Царь избрал в первую очередь самую сложную операцию, выбор, которой указал на его осведомленность в натуральной философии. Далее идет малопонятное описание волшебства сотворения золотого перстня с искусственным камнем, настолько твердым, что им можно было резать стекло».²⁶ Коллиз пишет, что «эта демонстрация “чрезвычайного разделе-

²⁰ Там же. С. 96.

²¹ Collis R. Ibid. P. 52.

²² Халтурин Ю. Л., Кучурин В. В., Родиченков Ю. Ф. «Небесная наука». Европейская алхимия и российское розенкрейцерство в XVII–XIX веках. СПб.: Издательство РХГА, 2015. С. 56.

²³ Collis R. Ibid. P. 53

²⁴ Ibid. С. 54.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid.

ния металлов и получения искусственного камня» красноречиво свидетельствует о Петре как об «Алхимике», причем, явно Парацельсианского толка». ²⁷ Осведомленность царя в натурфилософии подчеркивается в более подробном отчете об этой встрече, который был опубликован в газете «Протестантский Меркурий», где сообщалось, что Стрингер заявил: «Если Ваше Величество так хорошо разбирается в том, что следует выбрать, а от чего – отказаться в этих материях, Вам не нужно было посылать ни за мной, ни за кем-либо еще, кого я знаю в Англии». ²⁸

Интерес Петра к химическим знаниям и экспериментированию в этой области был также очевиден в ходе его второго посольства в Западную Европу в 1716 и 1717 гг. Он еще раз побывал у Бургава в Лейдене, который к этому времени стал профессором химии. Кроме того, в Париже, в июне 1717 г. в течение двух дней подряд, царь встречался с двумя наиболее известными французскими экспериментаторами (и конкурентами) в области химии того времени: Э.-Ф. Жоффруа (1672–1731), занимавшего должность профессора химии в колледже Жардин дю-Руа и фармацевтики и медицины – в Коллеж де Франс, ²⁹ придерживающегося отдельных взглядов Парацелианского толка, а так же с Николя Леметри (1677–1743), сыном знаменитого химика-практика Николя Леметри (1645–1715), которые вели между собой нескончаемый химический спор о возможности синтезировать железо. ³⁰

Петр интересовался (ал)химической теорией Николя Леметри, о чем, в частности, свидетельствует его личная библиотека, которая содержит как французское издание 1697 и 1698 г., так и немецкое издание его «Курса Химии», впервые опубликованное в 1675 году. ³¹ Эта книга Леметри отражает глубокий интерес ученого к химическим веществам в сочетании с верой в невидимый универсальный дух.

Кроме этих двух изданий, личная библиотека Петра содержит небольшое, но значительное, по содержанию, количество алхимических, химических и металлургических трактатов. Несомненно, самым ярким является двухтомник алхимических работ Василия Валентина, включающий трактаты «Двенадцать ключей» и «Триумфальная колесница Антимония», изданных в 1677 г. в Гамбурге. ³² Следует отметить, что в библиотеке царя присутствовал так же сборник Теодора Цвингера под названием «Teatrum Vitae Humanae», Базель, 1655, включающий широкий спектр материалов на разнообразные оккультные темы, с пометкой – «Экз. Апт. Прик.». ³³ (Экземпляр Аптекарского Приказа – О. К.).

Царь Петр, по-видимому, страстно увлекался «Метаморфозами» Овидия, издания которых он собрал на латыни, русском, немецком и французском языках, а также русские и немецкие издания иллюстраций к этой поэме. ³⁴ Возможность метаморфозы (или алхимической трансмутации) из одного состояния в другое привлекала алхимиков не только на уровне превращения неблагородных металлов в серебро или в золото, но и отражала возможность трансформации человека в духовном плане. А. Ф. Лосев так охарактеризовал это сочинение Овидия: в них «нет глубины, но есть античная задумчивость, нет вергилиевского циклопизма, но есть элегантно поданная универсальность эпоса, нет мощных социальных скульптур, но есть грациозная и грустная, субтильная и холодноватая пластика рассудочных инкрустаций». ³⁵ По мнению адептов алхимии, таких, как, например, Михаэль Майер (1588–1622), стихи Овидия

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid. 55.

³⁰ Ibid.

³¹ Библиотека Петра I. Указатель-справочник / Сост. Боброва Е. И. Л., 1978. С. 134. № 1263 и 1264.

³² Там же. С. 157, № 1593.

³³ Там же. С. 162, № 1663.

³⁴ Там же. С. 35, 79, 141. № 142, 605, 1368–1371.

³⁵ Лосев А. Ф. Эллинистически-римская эстетика. М.: Мысль. 2002. С. 29–30.

содержали герметическую мудрость, сохранившуюся с античности.³⁶ По-видимому, не случайно «исходя из овидеевых “Метаморфоз”, можно при желании составить целую энциклопедию парковой скульптуры и декора».³⁷

Из множества перечисленных в статье фактов, подтверждающих увлеченность Петра герметической традицией, Р. Коллиз делает вывод, что на протяжении всего времени царствования Петра Первого мы наблюдаем свидетельства об интересе императора в отношении не только одних лишь химических экспериментов. Он полагает, что Петр не практиковал алхимию самостоятельно, но, тем не менее, рад был окружить себя людьми любознательными, с научным складом ума, готовыми овладеть тайным знанием. По его мнению, «это воплотилось во влиятельном присутствии в центре петровской иерархической системы Брюса, Прокоповича и Эрскина».³⁸

Первым из этой когорты, Р. Коллиз называет Якова Брюса (1669–1735). Яков Вилимович Брюс родился в Москве в 1669 г. в семье Уильяма Брюса, шотландского протестантского якобита, прибывшего в Россию на военную службу в 1647 г. За свою долгую и выдающуюся карьеру Яков Брюс дослужился до чина генерал-фельдмаршала и в 1709 г. был награжден за заслуги в битве под Полтавой орденом Святого Андрея Первозванного. На дипломатической службе он возглавлял делегацию России на переговорах со Швецией на Аландском Конгрессе в 1718 г. и вел переговоры по Ништадскому миру в 1721 г. за что был удостоен титула графа.

Брюса справедливо признают одним из самых блестящих и образованных людей петровской России, проявившего свои способности во многих сферах. Он был директором «Навигацкой школы» в Москве (первой в России, открытой в 1701 г.), директором Московской типографии (1706 г.) и Президентом основанной в 1717 г. Берг-коллегии. Кроме того, в 1720 г. ему было поручена должность директора Санкт-Петербургского монетного двора и генерального инспектора укреплений. Следует также отметить, что в самом начале XVIII в. он занимал пост губернатора Новгорода, а также перевел множество научных трактатов, в том числе в 1717 г. «Космотеорос» Христиана Гюйгенса и написал несколько оригинальных работ по вопросам военного образования и морально-этического воспитания молодежи.

По словам российского исследователя А. Н. Филимона, Брюса «можно смело назвать человеком, наиболее четко из всех “птенцов гнезда Петрова” представлявшим суть и масштаб будущих преобразований в России»,³⁹ именно поэтому Р. Коллиз заинтересовался наличием многочисленных мифов, возникших вокруг его длительного увлечения оккультными искусствами. Пожалуй, действительно, нет другого государственного деятеля в истории России, о котором ходило бы так много легенд о его «магических похождениях». Согласно легендам, Брюс знал тайны трав и камней и изобретал различные способы их использования. Он создал «немую горничную» «из цветов», и составил снадобье, оживившее мертвую собаку и омолодившее старика, а также – собрал из токарных станков «морского орла» и по весне летал над Москвой; а однажды, подобно Альберту Великому, – вызвал метель в разгар лета и покрыл льдом озеро к удивлению очевидцев.

В России немногие ученые пытались выйти за рамки этих легенд и глубоко изучить реальную подоплеку интереса Брюса к эзотерическим занятиям. По словам Р. Коллиза в XIX в. историки И. П. Пекарский и М. Д. Хмыров избегали этой темы и в своих исследованиях делали акцент на астрономии и на военном деле.⁴⁰ Послевоенный советский историк С. Луппов также

³⁶ Abraham L. A Dictionary of Alchemical Imagery, Cambridge, 2003. P. 128–129.

³⁷ Соколов М. Н. Принцип Рая... С. 601.

³⁸ Collis R. Ibid. P. 56.

³⁹ Филимон А. Н. Яков Брюс. М: Молодая гвардия, 2013. С. 61.

⁴⁰ Пекарский И., Хмыров М. Д. Главные начальники русской артиллерии //Артиллерийский Журнал. 1866. № 2–4.

указывал на «несущественное количество» «антинаучных» публикаций в библиотеке Брюса.⁴¹ Исключением из общего правила Коллиз считает биографическую работу А. Н. Филимона о жизни Брюса «Яков Брюс» (2003), где впервые можно найти детальный анализ фактических интересов Брюса, мистических и оккультных, сделанный по описанию библиотечного фонда, проведенного исследователем А. Свионовым. Однако и здесь, по словам Коллиза, значительно недооценен интерес Брюса к эзотерическим занятиям, позиционируя его как современного «рационального» ученого, и «разносторонне развитого человека».⁴² От себя отмечу, что в своей последующей публикации – монографии «Яков Брюс» (2013) из серии «Жизнь замечательных людей», изданной «Молодой гвардией», А. Н. Филимон отрицает значимость исследований А. Свионова, а также какую-либо причастность Я. Брюса к оккультизму и магии.

На Западе наиболее детальное исследование Якова Брюса было проведено канадскими ученым Валентином Боссом, который считает Брюса «первым ньютономцем России».⁴³ По словам Босса, Брюс стоял во главе того движения в петровской России, которое стремилось привнести новоевропейский характер науки и языка. И это не удивительно, имея в виду длительное общение Брюса с Ньютоном в конце 90-х годов XVII в.⁴⁴ В Англии он имел достаточно авторитета, чтобы в конце 1698 г. сделать доклад на заседании Королевского общества. В этом докладе он сообщает «о новых разработках лаборатории Ньютона и фактически выступает от коллектива ученых, работавших с Ньютоном»,⁴⁵ великим ученым, который «заявлял, что в миг творения Господь наделил каждую созданную им частицу материи “врожденным тяготением к прочим”»,⁴⁶ и что «гравитация не какое-то “врожденное”, изначальное свойство материи; напротив, ее создает некий невидимый агент. Ньютон уверял, что “не дерзает заявлять, будто знает причину тяготения”, полагая лишь, что оно требует “посредничества чего-то невещественного” и добавлял, что сия неведомая причина к тому же “весьма сведуща в механике и геометрии”».⁴⁷ По словам Ф. Йейтс, «в алхимических увлечениях Ньютона немаловажную роль сыграл “Британский Химический Театр” Ашмола – книга, вдохновленная традицией Джона Ди и майеровым алхимическим движением»,⁴⁸ и в конечном счете, – розенкрейцеровским алхимическим движением XVII в.

Тем не менее, пишет Коллиз, многочисленные мифы и легенды, распространенные в «российской популярной и литературной культуре», полностью обойдены в смелой попытке В. Босса изобразить Я. Брюса в научном свете. Более того, доказательства, базирующиеся на содержании библиотеки Брюса, указывающие на его тягу к тайным наукам, таким как алхимия, канадским исследователем пропущены. Р. Коллиз полагает, что пора пересмотреть взгляд на личность Якова Брюса в таком же ключе, как, например, это сделала Бетти Джо Доббс, изменившая восприятие сэра Исаака Ньютона, показав его интерес к алхимии, герметизму и миллениаризму.⁴⁹

Химический эксперимент и экспертиза металлов имели большое значение для Брюса и входили в число его служебных обязанностей. Его должность генерала-фельдцейхмейстера русской артиллерии, например, требовала широких химических познаний в методах, необхо-

⁴¹ Луннов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л.: 1973. С. 194.

⁴² Филимон А. Н. Яков Брюс. М.: 2003. С. 275.

⁴³ Boss V. Russia's First Newtonian: Newton and JD Bruce // Archives Internationales d' Histoire des Sciences. 15, 1962. P. 233–265.

⁴⁴ Филимон А. Н. Указ. соч., 2013. С. 55.

⁴⁵ Там же. С. 57.

⁴⁶ Акройд П. Исаак Ньютон. Биография / Пер. А. Капанадзе. М.: Издательство КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2011. С. 156.

⁴⁷ Там же. С. 157.

⁴⁸ Йейтс Ф. Розенкрейцеровское Просвещение / Пер. А. Кавтаскина под ред. Т. Баскаковой. М.: Алетея, Энигма, 1999. С. 356.

⁴⁹ Dobbs B. J. T. The Janus Face of Genius: The Role of Alchemy in Newton's Thought. Cambridge, 1991.

димых для приготовления пороха и взрывчатых веществ. Знания аналитики химических процессов были хорошим подспорьем для желающих занять руководящие посты в горнодобывающей промышленности, металлургии и финансовой системе любой крупной европейской державы. В эпоху Брюса, многие из самых известных должностных лиц, занимающие подобные посты, обладали химическими познаниями, основанными на алхимической традиции. Например, в конце XVII в. государственным бергмейстером в Нидерландах был алхимик Гуссен ван Вресвик (1626–1689). В Англии должность начальника министерства минеральных ресурсов в 1709–1710 гг., как отмечалось выше, занимал Моисей Стрингер, а директором Королевского монетного двора в этот период был некто иной, как «алхимический энтузиаст» Исаак Ньютон. В Швеции, должность горного советника между 1689–1702 гг. занимал алхимик Иоганн фон Кункель фон Ловенштерн (1612–1702), в то время как в 1716 г. мистик Эмануэль Сведенборг имел звание Чрезвычайного Эксперта Горного Совета.

Таким образом, президент Берг-коллегии и директор Санкт-Петербургского Монетного двора Яков Брюс, занимал в российской государственной системе те же посты, которые занимали в западной Европе люди, имеющие непосредственное отношение к алхимии. В своей московской резиденции, располагавшейся в Сухаревой башне, Я. Брюс много времени уделял научным экспериментам. Именно здесь Брюс основал первую астрономическую обсерваторию в России, и именно здесь таинственное «Общество Нептуна» якобы практиковало алхимию. Подавляющее большинство легенд, ссылаясь на неустанное стремление Брюса к различным видам магии и алхимии, описывают Сухареву башню как его штаб-квартиру, в подвальной лаборатории которой он без устали работал по ночам.⁵⁰

Самое серьезное свидетельство глубокого интереса Брюса к алхимии, несомненно, можно найти в его личной библиотеке. Она, по содержанию алхимических, герметических и оккультных книг, безусловно, находится на одном уровне с конфискованной впоследствии библиотекой Николая Новикова. Более того, утверждение, что розенкрейцерство и розенкрейцерские тексты были привезены в Россию сотрудником Новикова И. Г. Шварцем в 1770 и 1780-х гг., опровергается характером библиотеки Брюса, которая содержит много работ в розенкрейцеровском духе.⁵¹ Р. Коллиз, ссылаясь на каталог библиотеки Я. Брюса, пишет о 143 алхимических работах, написанных 87-ю авторами, без учета многих других произведений, имеющих отношение к естественной магии, геомантии и астрологии.⁵² Следует отметить также большое количество современных ему (и преимущественно немецких) алхимических работ. К ним относятся, например, работы девятнадцати немецких алхимиков, написанных и опубликованных после 1700 г.: Иоганна Михаэля Фауста, Иоганна Кристофа Отто фон Гельвига, Фридриха Цобеля и других.⁵³

Вторым деятелем, связанным с реформами Петра I в России и имеющим несомненный интерес к эзотерике, Р. Коллиз называет Феофана Прокоповича (1681–1736). Вот как о роли Прокоповича пишет известный исследователь русской философской мысли проф. А. Ф. Замалеев: «вокруг него (Петра – О. К.) складывается “ученая дружина” – когорта интеллектуалов, поднявшая стяг европеизации России. Во главе ее стояли Феофан Прокопович и Татищев, два крупных мыслителя-прагматика, сыгравших важную роль в сплочении русского ранне-интеллигентского движения».⁵⁴

⁵⁰ Московские легенды, записанные Евгением Барановым / Сост., вступ. ст., прим. Веры Боковой. М.: Литература и политика, 1993. С. 20–66.

⁵¹ Collis R. Ibid. P. 59.

⁵² Библиотека Я. В. Брюса. Каталог / Сост. Е. А. Савельева. БАН, Л., 1989.

⁵³ Там же. С. 270–3, N. 667–4. С. 237, N 583. С. 56–7, N 131. С. 133–4, N 349–51. С. 238, N 585–6; С. 250–1, N 612. С. 263, N 648. С. 229–31, N 562–5. С. 94, N 242. С. 141–2, N 373–4. С. 142, N 375. С. 144–5, N 380.

⁵⁴ Замалеев А. Ф. Учебник русской политологии. СПб., 2002.

Вплоть до своей смерти в 1736 г. Прокопович, архиепископ Новгорода, оставался стойким приверженцем наследия Петра, в создании которого он сам играл значительную роль, будучи главным идеологом петровского абсолютизма, воплощенного в «Правде Монаршей Воли» (1722) и в многочисленных панегириках, посвященных величию Императора начиная с Полтавской победы в 1709 и заканчивая его похоронами в 1725 г.⁵⁵

Знакомство Прокоповича с Петром состоялось в 1709 г., в Киеве, во время торжеств по случаю победы русских войск под Полтавой. Царь обратил внимание на Прокоповича во время чтения последним «Похвального слова», и с того времени он постоянно покровительствовал Феофану, а в 1715 г. вызывал его в Петербург для подготовки церковной реформы.

По приезду в 1716 г. в Санкт-Петербург, Прокопович стал основным двигателем программы радикальной духовной реформы. Это проявилось с публикацией «Духовного регламента» или «Устава» (1721), сопровождающаяся учреждением Священного Синода в Санкт-Петербурге, где Прокопович был назначен Вице-президентом. Впредь, на всех церковных службах имя Патриарха было заменено упоминанием Священного Синода, вошедшего в новую систему государственных коллегий, представляющих новую правительственную иерархию. Эта духовная реформа шла рука об руку с образовательной реформой, как это было обрисовано в общих чертах в самом Регламенте, который провозглашал: «учение доброе и основательное есть всякой ползы, как отечества, так и церкви, аки корень и семя и основание».⁵⁶

Прокопович был последовательным защитником всеобщего образования. Он не видел никакого противоречия между научными исследованиями и религиозной верой. Фактически, в «Регламенте» он активно поощряет духовное просвещение через науку. Прокопович играл активную роль в организации Санкт-Петербургской Академии наук, и с ее первых дней поддерживал ее ученых.⁵⁷ До прибытия в Санкт-Петербург, Прокопович был профессором в Киевской Академии, где в 1704 г. читал курсы богословия, риторики, поэтики и философии (которая включала в себя логику, естественную философию, математику и этику).⁵⁸ Сохранившиеся рукописи его лекций 1707–1709 гг., изданные в Киеве в 1979–1981 гг., показывают человека, который со знанием дела говорил и писал о последних достижениях во всех областях естественной философии, включая алхимию.⁵⁹

Прокопович посвящает три страницы своей «Естественной Философии» предмету алхимии, ее истории и высказываясь положительно по поводу ее практики и целей. Во вводном параграфе описания алхимии Прокопович заявляет, что «нет необходимости возражать против факта, что искусство может обладать силой природы, и поэтому я считаю, что оно не может быть отделено от природы».⁶⁰ Он признает, что алхимики, несмотря на «большое постоянство и замечательное упорство» не получили, вплоть до сего дня, настоящее золото,⁶¹ однако допускает, что неудача алхимиков в прошлом не отрицает возможности того, что они справятся со своей задачей в будущем.

В трактате «Естественная Философия» Ф. Прокопович показывает достойные эксперта знания в практической и теоретической областях процесса химического разделения элементов и подробно описывает их качества. Эта часть работы основывается в большой степени на

⁵⁵ См: Прокопович Ф. Сочинения. М., Л., 1961.

⁵⁶ Духовный регламент благодатию и милосердием человеколюбца Бога, тщанием же и повелением Богом данного и Богом умудренного государя нашего, царя и великого князя Петра Первого, Всероссийского императора и протчая, и протчая, и протчая. Установленное Святой православной российской Церкви духовное Синодальное или Синод, то есть соборное духовных дел правительственное, по изволению и приговору всероссийского духовного чина и Правительствующего Сената // Феофан Прокопович. Избранные труды /Сост., автор вступ. ст. и коммент. И. В. Курукин. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 284.

⁵⁷ Ничик В. М. Феофан Прокопович. М.: Мысль, 1977. С. 117.

⁵⁸ Там же. С. 9.

⁵⁹ См. Феофан Прокопович. Філософські твори. Київ, 1979–1980. Т. 1–3.

⁶⁰ Феофан Прокопович. Указ. Соч. С. 155.

⁶¹ Там же.

исследованиях Даниэля Сеннерта (1572–1637). «Даниэль Сеннерт, – писал Прокопович, описывая ртуть, – называет её божественной жидкостью или духом, который с только большим усилием можно отделить от превосходной серы и очень редкой соли». ⁶²

Прокопович утверждал, что знание природы не направлено против христианских законов, поскольку Бог уважает тех, кто пытается изучить природу, и вера является основой для ума, стремящегося к знанию. Он также отмечал, что истинное понятие причины кроется в понимании божественной гармонии природы, которая кажется благоухающей верой по аналогии с макро и микро-мирами. ⁶³

С переездом в Санкт-Петербурге в 1716 г., Прокопович не оставил свои изыскания в области естественной философии, и предположительно стал Оратором так называемого «Общества Нептуна», связанного с научным экспериментированием, алхимией и даже масонством. ⁶⁴ Более того, он примкнул к литературно-философскому кружку, так называемой «ученой дружине», в котором состояли Яков Брюс и В. Н. Татищев. ⁶⁵ В Санкт-Петербурге Прокопович полностью отдался библиомании, собирая библиотеку, составившую более чем 3000 томов на момент его смерти в 1736 г. Большинство этой коллекции имело теологическую направленность, но имелось и значительное количество алхимических работ 34-х авторов, включая Даниэля Сеннерта, и множество оккультных трактатов, таких авторов, как Генрих Корнелиус Агриппа (1486–1535), Левий Лемин (1505–1568), Марчелло Пилиндженио, Джироламо Кардано (1501–1576) и Джованни Баттиста делла Порта (1535–1615). ⁶⁶

Алхимическая коллекция Прокоповича не столь обширна как у его друга и коллеги Брюса, но весьма значима. Трудно представить любое другое духовное лицо в России в то время, способное сделать успешную теологическую карьеру, имея такие «сомнительные» научные интересы. Обладание Прокоповичем коллекцией алхимических трактатов, по словам Коллиза, было смелым и опасным предприятием, которое, вероятно, покоилось на протекции и патронаже самого Царя. Поддержка Петра была крайне важна для начала карьеры Прокоповича в Санкт-Петербурге, где он столкнулся серьезным противостоянием конкурентов. Так, назначение его Епископом Пскова в 1718 г., было отклонено Стефаном Яворским, на том основании, что Прокопович – еретик, защищающий иноверие, что было серьезным обвинением.

Третьим сподвижником Петра Великого в области «тайных наук» Коллиз называет шотландского врача Роберта Эрскина (1677–1718). Он прибыл в Россию летом 1704 г. и играл существенную роль в стране вплоть до своей ранней смерти в возрасте сорока одного года в ноябре 1718 г. В начале своей карьеры он был личным врачом А. Д. Меншикова, затем быстро продвинулся и стал лейб-медиком царя, а затем архиатром – главой всего медицинского ведомства. ⁶⁷ В этой роли Эрскин был инициатором создания первого аптекарского и ботанического сада России в Санкт-Петербурге. В 1714 г. Царь назначил Эрскина первым директором Кунсткамеры, а также директором ее библиотеки. В 1716 г. он стал членом Государственного Совета, что давало привилегию наследуемого дворянства. Большое уважение, которое Петр I питал к Эрскину, отражено в организации его государственных похорон в январе 1719 г. и то, что он был похоронен рядом с любимой родной сестрой Царя, Наталией Алексеевной, в Александро-Невской Лавре.

Несмотря на блестящую карьеру в России, Р. Эрскин остается незамеченным в исторической литературе и известно о нем немного. Во время своей сравнительно короткой жизни ему

⁶² Там же. С. 394.

⁶³ Смирнов В. Г. Феофан Прокопович. М.: Соратник, 1994. С. 45.

⁶⁴ Collis R. Ibid. P. 62.

⁶⁵ Ничик В. М. Указ. соч. С. 15.

⁶⁶ Collis R. Ibid. P. 62–63.

⁶⁷ Мирский М. Б. Доктор Роберт Эрскин – первый российский архиатр // Отечественная история, № 2, 1995 С. 134.

удалось собрать одну из самых обширных частных алхимических библиотек в современной ему Европе. В этой коллекции из более чем 2300 томов содержится 287 алхимических работ, принадлежащих 157 авторам, что составляет более чем 12 % всего собрания.⁶⁸ Это количество томов сравнимо с собраниями книг того же времени сэра Исаака Ньютона и сэра Ганса Слоана, которые содержат 169, и 204 алхимических работ, соответственно.

Ятрохимия, как направление медицины, была широко распространена среди шотландских врачей, к которым принадлежал Эрскин, разделявший якобитство. Во время обучения Эрскина медицине в Париже и Утрехте, с 1697 по 1700 гг., царила специфическая научная атмосфера открытой проповеди алхимии с профессорских кафедр. В Париже, например, Эрскин мог консультироваться с Мои сеем Чарасом (1619–1698), чей главный труд, «*Pharmacosoree Royale Galenique et Chymisque*» (1676), представлял собой сборник алхимических рецептов. Из дневника, который Эрскин вел, учась в Париже, видно, что он много времени посвящал исследованиям химических процессов, конспектированию трудов химика Жакоба Ле Морта (1650–1718), трактаты которого пронизаны алхимической верой.⁶⁹

Эрскин переехал в Утрехт в 1699 г., во времена, когда медицинский и химический факультеты университета находились под влиянием харизматического Иоганна Конрада Баркгаузена (1666–1723). Не сохранилось сведений о фамилиях учеников Баркгаузена, но О. Хэнноуэй отмечает, что большинство их были студентами-медиками.⁷⁰ Из этого можно заключить, что Баркгаузен имел серьезное влияние в области медицины и химии на молодого шотландца, что подтверждается тем фактом, что Эрскин владел всеми публикациями Баркгаузена по химии, изданными до 1718 г.⁷¹ Р. Коллиз отмечает химическое мировоззрение парацельсианского толка, свойственное Баркгаузену, защищавшего алхимию, как одно из трех главных разделов химии, и стремящегося к «обнаружению многих скрытых фактов, полезных в искусствах и науках».⁷² Баркгаузен поместил в издание «Химических элементов» 1718 г. серию из девятнадцати алхимических изображений, найденных им в одном из Швабских монастырей, присовокупив к ним собственную интерпретацию их алхимических смыслов.⁷³

Кроме того, семья Р. Эрскина была причастна к герметической традиции. Например, двоюродного брата его деда, сэра Джорджа Эрскина (1570–1646) описывали как «самого влиятельного из многих последователей герметической философии или алхимии во времена короля Якова VI».⁷⁴ Его двоюродный брат, лидер якобитов Джон Эрскин, граф Мар (1675–1732) был связан с мистической традицией шотландского якобитского масонства, так же, как и его свояк Эндрю Рамсей (1686–1743), известный образец масона Шотландского Обряда.⁷⁵

Многие сохранившиеся источники подтверждают ятрохимический подход Эрскина к медицине. У него, как главы Аптекарской Канцелярии, архиатра,⁷⁶ была широкая возможность заниматься (ал)химическим экспериментированием. «Разумеется, введение в России такой должности (как говорилось тогда, “президента всего медицинского факультета России”) не было явлением случайным, а логически входило в общую систему осуществлявшихся тогда преобразований. Вместо родовитых, сановных бояр, возглавлявших существовавший еще с

⁶⁸ Collis R. Ibid. P. 63.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ Hannaway O. Johan Conrad Barchusen (1666–1723) – Contemporary and Rival of Boerhaave. Ambix, XIV, 1967. P. 101.

⁷¹ Collis R. Ibid. P. 64.

⁷² Hannaway O. Ibid. p. 105.

⁷³ Ibid. p. 103.

⁷⁴ Collis R. Ibid. P. 65.

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ От греч. ‘αρχι – старший и ιατρ – врач. Звание архиатра впервые было введено в Римской империи. В средние века так называли лейб-медиков пап. См. Мирский М. Б. Доктор Роберт Эрскин – первый российский архиатр // Отечественная история, № 2, 1995 С. 136.

1581 г. Аптекарский приказ (последним из них был князь Я. Н. Одоевский), руководителем медицинского ведомства впервые стал врач». ⁷⁷ Следует подчеркнуть, – пишет Коллиз, – что лечение Царя, предпринятое Эрскином, полностью соответствует методам ятрохимии и парацелианства, столь распространенным в XVII в. и используемыми такими практиками как Жан Батист Ван Гельмонт, Рудольф Глаубер и Франц де ла Бое Сильвий. Увлечение Эрскиным бальнеологией также относится к традициям парацелианской медицины. Таким образом, можно говорить об Р. Эрскине как об авторитетном враче, имеющим склонность к алхимической теории и практике, реальный масштаб алхимического книжного собрания которого, выходит за рамки простого любопытства и увлечения дилетанта.

Как и наличие многих, вдохновленных розенкрейцерами текстов, входящих в коллекцию библиотеки Брюса, противоречит распространенной теории, что это движение, наполненное алхимическими аллюзиями, проникло в Россию заботами Шварца и Новикова только в 1770 гг., розенкрейцерские тексты из библиотеки Эрскина свидетельствуют о намного более раннем появлении розенкрейцерства в России. Самый значимый пример – это весьма редкое, 1615 г. (второе издание) Манифеста Розенкрейцеров («Fama Fraternitatis» и «Confessio»), изданное во Франкфурте. ⁷⁸ В дополнение к манифесту, это издание также содержит главу о необходимости общего преобразования мира, взятого из «Ragguagli del Parnaso» Траяно Боккалини (1612), которое Эрскин имел и в отдельном издании, а также «четыре ответа», подтверждающие существование Братства Розенкрейцеров. ⁷⁹ Один из этих ответов был написан известным сочувствующим розенкрейцерам, Адамом Хэзелмейером, который приветствовал их как «теософов, развеявших темные облака, затенявшие свет истинной мудрости» и расценил их как предсказанных последователей Парацельса. ⁸⁰ Эрскин также обладал первым изданием «Химической свадьбы Христиана Розенкрейца в 1459 году» Йоганна Валентина Андрее, выпущенным в Страсбурге.

Небольшая выписка из алхимической коллекции Эрскина, которую приводит Р. Коллиз, может только частично возместить академическое пренебрежение, которое длилось в отношении Эрскина многие годы. Невозможно игнорировать столь существенное количество алхимических трактатов в его собрании, поскольку, Эрскин не был периферийной или эксцентричной фигурой в Петровской России. Напротив, он был чрезвычайно отмечен Петром I и обладал значительными властными рычагами при дворе императора. Более того, он смог не только преуспевать в России, но и активно собрать оккультную библиотеку. Как в случае с Прокоповичем, это было бы невозможно без специального личного одобрения Петра.

Не вызывает сомнения, что в течение первой четверти XVIII столетия алхимия продолжала быть весьма востребованным предметом в Европе. Это наглядно показали такие ученые, как Дебус и Б. Дж. Доббс, которые доказали невозможность в это время мгновенного изменения научной парадигмы в сторону рациональных и механистических воззрений. Однако после петровскую Россию по сей день продолжают рассматривать как результат предприятия царем грандиозных реформ с целью привить России рациональное и механистическое мировоззрение. Тем не менее, можно утверждать, что Западная Европа, которую Петр лично наблюдал в 1697–1698 гг., а затем – с небольшими перерывами с 1709 по 1718 гг., целенаправленно и в короткое время не могла избавиться от герметического наследия Ренессанса, а, возможно, и более ранних эпох. Доказательства приверженности научной среды к герметической традиции и к алхимии существуют во всех странах, которые посетил Петр, к тому же Царь лично искал ученых, придерживающихся подобных взглядов.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Collis R. Ibid. P. 65

⁷⁹ Ibid. P. 66.

⁸⁰ Dickson D. R. Te Tessera of Antilia: Utopian Brotherhoods & Secret Societies in the Early Seventeenth Century. Leiden, 1998. P. 75.

Р. Коллиз пишет, что активный интерес к алхимии, как мы могли убедиться, не был помехой для успешного продвижения по карьерной лестнице в Петровской России, и никто не разоблачал ее приверженцев как последователей опасной и чуждой традиции. Однако, думается, что «никто не разоблачал» потому, что весь этот «интерес» держался в тайне и не афишировался. Не следует забывать, что Квирин Кульман, протестантский мистик, «поклонник Я. Беме», пропагандировавший алхимию, «(в духе хилиастических течений, тогда очень распространенных в Западной Европе)»⁸¹ был сожжен как еретик на Красной площади в Москве относительно недавно, в 1689 г. В такой обстановке Петру было не выгодно давать повод тем, кто не был известен ему лично как приверженец герметических наук, искать реальные доказательства его причастности к алхимической традиции.

В связи с этим, не имеет значения – имел ли Петр у себя в личном книжном собрании «Fama Fraternitatis» («Откровение Братства Р. К.») и «Confessio Fraternitatis» («Исповедание Братства Р. К.»), или – пользовался экземплярами Р. Эрскина. Есть основания полагать, что он читал эти произведения еще до посещения Западной Европы, поскольку его деяния, как мы покажем ниже, указывают на то, что он был увлечен алхимией и философией розенкрейцеров с самого начала своих преобразований.

Легенда и движение «Розы и Креста» – это одно из ключевых моментов в реформаторском движении западноевропейской интеллигенции XVII в., которые связывают «с появлением “манифестов”, приписываемых аббату Гейдельбергскому Валентину Андреа. <> Они пропитаны благочестивой теософией христианского характера, но абсолютно антипапской (точнее сказать – антиезуитской) и протестантской направленности».⁸² По словам М. Отеро, «Розенкрейцеры практиковали независимую теургию и были приверженцами как созерцательной, так и оперативной алхимии».⁸³ Он же, ссылаясь на Джона Робинзона (1739–1805) утверждает, что розенкрейцеры «представляли собой секту алхимиков, стремившихся постигнуть преобразование металлов и создать универсальное лекарство».⁸⁴

Широко известно, что для Розенкрейцеров алхимия была одной из основных практик. Они рассматривали алхимика как того, кто стремился ускорить физические процессы, позволяя природе выполнить ее врожденную телеологию. Поскольку человеческое тело состоит из элементов природы, существовала возможность вылечить тело от болезней, которые разрушали его естественное функционирование, – провозглашали Розенкрейцеры, – посвящая себя странствиям в поисках излечения заболеваний через алхимические практики.⁸⁵

Многие авторы утверждают, что Петр Алексеевич не был масоном. Но, вероятно, он и не мог им быть. Вот что пишет о происхождении масонства Г. О. М. – Г. О. Мебиус: «Основатели масонства, среди которых наивиднейшее место занимал Elias Ashmol (1617–1692 г.), искусно делают сколок с системы степеней Вольного Каменничества (ремесленной ложи каменщиков – О. К.) и кладут его в основу трех первых (т. называемых – символических) степеней Масонского Посвящения. Это приспособление начинается в 1646 году, а в 1717-м мы уже имеем дело с вполне организованной системой Шотландских Масонских Капитулов».⁸⁶ Из этого можно сделать вывод, что розенкрейцерские взгляды царя Петра развивались и совершенствовались параллельно их распространению и развитию в Западной Европе. Очевидно, имея интерес и склонность к подобным течениям, он постоянно «держал руку на пульсе» – не только общался

⁸¹ Зеньковский В. В. История русской философии. Т. I. МП «Эго». Л., 1991. С. 43.

⁸² Отеро М. Л. М. Иллюминаты. Ловушка и заговор. СПб.: Евразия, 2008. С. 34.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же. С. 38.

⁸⁵ Gowans M. “Down to Earth Ethics: Exploring Relation and Environmental Responsibility” (2013). Dissertations. P. 517. http://ecommons.luc.edu/luc_diss/517. P. 45.

⁸⁶ Г. О. М. Энциклопедия оккультизма. Ростов н/Д: «Феникс». С. 253–254.

с его представителями, но и сам активно занимался изучением и практическим применением герметических идей, лежащих в их основе.

Если обратиться к текстам Манифестов Розенкрейцеров непредвзято, то можно убедиться, что чаяния Петра Алексеевича, его планы и свершения абсолютно идентичны провозглашаемому ими, проповедуемой в “*Confessio Fraternitatis*” («Исповедании») «необходимости обновления Человека» и утверждению, «что братство розенкрейцеров владеет философской наукой, которая сделает возможным данное обновление».⁸⁷ Вероятно, Петр имел возможность еще до поездки в составе Великого Посольства в 1697–1698 гг., будучи еще весьма молодым человеком, ознакомиться с этими документами, например, в Немецкой Слободе. Как видно из биографии царя, инициированные им реформы «направлялись условиями его времени, до него не действовавшими, частью созданными им самим, частью вторгшиеся в его дело со стороны. Программа заключалась не в заветах, не приданиях, а в государственных нуждах, неотложных и всем очевидным».⁸⁸ Сам же Петр был весьма чуток к требованиям Духа Времени. Противопоставляя себя инертности и сопротивлению его преобразованиям целой страны, он, в полном согласии с текстом розенкрейцеровского “*Fata Fraternitatis*” («Откровения»), мог сказать о своих усилиях и о реакции на них большинства своего окружения: «дал им в руки новые правила, которые они приветствовали, но отнеслись ко всему с насмешкою; а также потому, что все это было ново, опасались они умалить значение своих славных имен, начав учиться и признав все свои прежние заблуждения; со своим они уже сжились, и оно принесло им немало. Пусть кто-нибудь другой, кому по душе беспокойство, занимается преобразованием».⁸⁹

Похоже, что и само Великое Посольство, о целях которого во всей их полноте не существует ни одного документа,⁹⁰ было предпринято им, в том числе, подобно Декарту,⁹¹ в поисках «истинных братьев», ибо «настоящие розенкрейцеры, в соответствии с традицией, проявляют себя не каким-то таинственным посвящением, но углубленным и систематическим изучением мира природы».⁹² Кроме внешней, посольской миссии, «секретная <> заключалась в том (чтобы украсть науку у Западной Европы), чтобы все лучше вызнать, все полезное перенять или переманить себе. Лучше я не могу выразить тех наставлений, какие Петр дает в своих инструкциях. Это была настоящая воровская экспедиция (рекогносцировка) за западной наукой»,⁹³ – писал В. О. Ключевский. Или, выражаясь современным языком, «шла осмысленная подготовка фундаментального переворота технократического характера, основой которого должна была стать смена господствующего в стране технического режима».⁹⁴ Действительно, в силу своей личной истории, Петр «оторвался от понятий, лучше сказать, от привычек и преданий кремлевского дворца, которые составляли политическое мирозерцание старорусского царя, его государственную науку, а новых на их место не являлось, взять их было негде и вырабатывать не из чего».⁹⁵ Более того, на преобразования необходимы были и силы, и необычайные способности, о которых так откровенно и незатейливо повествовали «истинные братья» розенкрейцеры: «и не благом ли то сочтется, чтобы нам не страдать и не терпеть более от голода, нищеты, недугов и старости?

⁸⁷ Отеро М. Л. М. Указ. соч. С. 35.

⁸⁸ Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Курс русской истории. Ч. 4. М.: Мысль, 1989. С. 45.

⁸⁹ *Fata Fraternitatis*, или Откровение Братства Высокопочтимого Ордена Р. С. // Андреа И. В. Химическая Свадьба Христиана Розенкрейца в году 1459. М.: Энигма, 2003. С. 137.

⁹⁰ Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Великое посольство. СПб.: Международный фонд спасения Петербурга-Ленинграда; Феникс, 2003. 312 с. С. 27.

⁹¹ Черняк Е. Б. Невидимые империи: Тайные общества старого и нового времени на Западе. М.: Мысль, 1987. С. 25–26.

⁹² Бержье Ж., Повель Л. Утро магов. М.: Самотека, 2008. С. 46.

⁹³ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 355.

⁹⁴ Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Указ. соч. С. 236.

⁹⁵ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 15.

Не драгоценно ли было бы всякий час жить так, словно ты прежде жил от начала века и имеешь в будущем жить до конца оного?

Не прекрасно ли пребывать в таковом месте, чтобы народы, жительствующие в Индии по ту сторону реки Ганга, не могли бы скрыть от тебя ни единой тайны, ни населяющие Перу – держать в секрете свои советы?

Не драгоценно ли – читать в единой книге, и притом постигать, и помнить, все то, что изо всех иных книг, прежде и ныне бывших, а также имеющих выйти, когда-либо было или будет извлечено и усвоено?

Сколь усадительно будет, если запоешь так, что не скалы увлекать будешь, но перлы и драгоценные камни, не зверей приманивать, но духов, и не Плутона растрогивать, но земных владык».⁹⁶

Ключевский пишет о происхождении реформы в том духе, что вопреки мнению, что Петр I родился с мыслью о реформе, скорей всего «у него рано пробудилось какое-то предчувствие, что, когда он вырастет и начнет царствовать на самом деле, ему, прежде всего понадобится армия и флот, но на что именно понадобятся, он, кажется не спешил отдать себе ясный отчет в этом».⁹⁷ Эти разговоры о «преобразовании невзначай, как будто нехотя, поневоле»,⁹⁸ возможны только в том случае, если нам не на что опереться в своих исследованиях. Петр намеревался «не заимствовать с Запада готовые плоды тамошней техники, а усвоить ее, пересадить в Россию самые производства с их главным рычагом – техническим знанием. Мысль, смутно мелькавшая в лучших умах XVII в., о необходимости предварительно поднять производительность народного труда, направив его с помощью технического знания на разработку нетронутых естественных богатств страны, чтобы дать ему возможность вести усиленные государственные тягости, – эта мысль была усвоена и проводилась Петром, как никогда ни прежде, ни после него: здесь он стоит одиноко в нашей истории».⁹⁹ Там, на Западе, не так уж далеко, и не так уж и давно, по меркам XVII в., были обнародованы призывы к сотрудничеству розенкрейцев – «Confessio Fraternitatis» – «Откровение» и «Fata Fraternitatis» – «Исповедание». Выступив в качестве «логотехников» эпохи, отразив ее «коллективное воображение»,¹⁰⁰ на языке, изготовленном ими на основе алхимической терминологии, розенкрейцеры, сообщали в своих воззваниях «не просто о прогрессе научных знаний, но, что гораздо важнее, о просветлении сознания, имеющим религиозную и духовную природу. Новая философия вот-вот будет возведена миру, что повлечет за собой всеобщую реформацию. В качестве мифических агентов, распространяющих новую мудрость, выступают розенкрейцеровские братья. <> Их вера, похоже, тесно сопряжена с исповедуемой ими алхимической философией, не имеющей ничего общего с “безбожным проклятым златоделанием”, ибо богатства, которые предлагает основатель ордена, духовные суть».¹⁰¹ Кстати, именно такую, розенкрейцеровскую постановку вопроса о смысле алхимических практик, как мы помним, разделял Царь.

Очевидно, что Петр Алексеевич принял «Откровение» и «Исповедание» розенкрейцеров близко к сердцу и в некотором роде отождествлял себя с Братом С. Р., который «был великим мужем своего времени. Благодаря божественному откровению, возвышенному обучению и неустанному стремлению нашел он доступ ко всему тайному и скрытому в небе и человеческой природе».¹⁰² Петр, подобно Брату С. Р., собирал за время путешествий сокровище «превыше королевского и царского, что для его времени, однако, не было предназна-

⁹⁶ Confessio Fraternitatis // *Андреа И. В.* Химическая Свадьба Христиана Розенкрейца в году 1459. С. 156–157.

⁹⁷ *Ключевский С.* Указ. соч. 189.

⁹⁸ Там же. С. 189–190.

⁹⁹ Там же. С. 197.

¹⁰⁰ *Барп Р.* Основы семиологии // Нулевая степень письма. М.: Академический проект, 2008. С. 294.

¹⁰¹ *Йеймс Ф.* Указ. Соч. С. 93.

¹⁰² Fata Fraternitatis. С. 146.

чено и потому им для более достойного потомства скрыто было».¹⁰³ И надеялся закрепить ростки своих начинаний вслед Брату С. Р., который «правильно поставил верных и друг с другом надежно связанных наследников своих высоких знаний и своего имени назначил, а также обновленный мир построил, что всем движениям Вселенной вполне гармонично соответствовал и, наконец, всему случившемуся, случающемуся и долженствующему в будущем случиться надежную сводку составил».¹⁰⁴ Далее, как повествуется в «Откровении»: после путешествия «в Испанию», Брат С. Р. «вернулся снова в Германию (на родину – О. К.), которую он (за близкогрядущие перемены и чудесную и опасную борьбу) сердечно любил. Там, несмотря на то, что он своим Искусством, особенно же превращением металлов, мог бы блистать, предпочел он небо и его граждан людям; затем, во всем блеске, построил себе все же уютное и чистое жилище, в котором он свои странствования и философию снова обдумал и им некий мемориал составил».¹⁰⁵ Все это дает нам пищу для размышлений относительно постройки Петром Петергофа не столько как подражание Версалию и другим модным загородным поместьям европейской знати, сколько, в большей степени, – как место философских уединений и «составления мемориала».

Читая «Откровение» дальше, мы увидим, что, к несчастью, Брат С. Р. не смог сразу приняться за эту работу – «желанное преобразование», но только через пять лет смог ее воплотить, «и так как он помощи и содействия других был лишен, сам же трудолюбив, ловок и терпелив был, то и решается он с немногими помощниками и сотрудниками самостоятельно попытаться таковое предпринять».¹⁰⁶ Сотрудников, «которые, не более чем в то время обычно было, в Искусствах знаний имели»¹⁰⁷ было трое. «Этих троих обязал он быть в высшей степени верными, скромными и молчаливыми и все его указания с великим усердием записывать, чтобы потомки, которые в будущем через особое откровение к этому допущены будут, ни единым словом и ни единою буквою не были бы обмануты. Таким образом, составилось братство R. C., вначале из четырех лиц, и их трудами были выработаны магический язык и письмо вместе с пространством словарем, ибо мы и сегодня ими, во славу и хвалу Божию, пользуемся и большую мудрость в них находим».¹⁰⁸ Если допустить, что «*Librum M.*»,¹⁰⁹ написанная этой четверкой мастеров, которые со временем вынуждены были пригласить и других сотрудников, и есть подобие того «Мемориала», который вознамерился оставить потомкам Брат С. Р., то мы получим еще одно подтверждение о том, что Петр действовал согласно розенкрейцерским заветам, а «Мемориалом» мог стать его любимый Петергоф. Если город в устье Невы – назван в честь Святого Петра,¹¹⁰ то название Петергоф можно перевести не только как Петров Двор, но и как Двор Камня, а здесь уже появляются алхимические реминисценции. Еще при крещении Петра в 1672 г. его отцу царю Алексею Михайловичу Симеоном Полоцким было преподнесено стихотворение, излагавшее пророчество о том, что «...подобных ему в монархах не будет; и всех бывших в России славою и делами превзойдет...»,¹¹¹ а также описывающее «удивительные свойства царевича, связанные с символикой его имени (Петр – «камень»):

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же. С. 138.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же. С. 138–139.

¹⁰⁹ Интересное «совпадение» по названию с «Немой Книгой», «*Mutus Liber*», изданной в Ла Рошели в 1677 г. Содержит 15 раскрашенных гравюр без комментариев. Букву «М» можно прочесть двояко – как «*Memorial*» – памятная, так и «*Mutus*» – немая.

¹¹⁰ Спивак Д. Л. Метафизика Петербурга: Начала и основания. СПб.: Алетейя. 2003. С. 374.

¹¹¹ Робинсон А. Н. Симеон Полоцкий – астролог // Проблемы изучения культурного наследия. М.: Наука, 1985. С. 177.

Петр бо нарицается камень утвержденный,
утвердит врата царевич новорожденный.
Храбрый и страшны явится врагом сопротивным
окаменован в вере именем предивным».¹¹²

Причем А. Н. Робинсон пишет, что «едва ли можно думать, что Петр не знал “предречений” Симеона о нем. Петр мог знать об этом от самого Симеона (когда он умер, Петру было 8 лет), от матери Натальи Кирилловны (ум. 1694 г.), от придворных. Посвященные ему стихи Симеона, несомненно, сохранялись в царском архиве».¹¹³

Так, будучи «окаменован в вере именем предивным» Петр Алексеевич чувствовал в себе способности нести определенную миссию, затрагивающую систему, в которой «не только и типографский шрифт, подобно покрою платья, становился показателем известного порядка идей и знаний, символом мирозерцания»,¹¹⁴ но и архитектурные и садово-парковые ансамбли. Действительно, что еще может пожелать для себя «сочувствующий розенкрейцерам», как ни практиковать Великое Делание по достижению Философского Камня, а затем описать свой опыт в трактате, подобно Первым Розенкрейцерам: «Они собрали в один том все, что только человек для себя пожелать, на что надеяться и о чем мечтать может; хотя мы и охотно признаем, что мир в продолжение ста лет изрядно улучшается, все же мы твердо убеждены, что наши само-истины вплоть до последнего дня непоколебимы останутся, и ничего другого не узнает мир даже в самом высшем и последнем своем возрасте, ибо наши Круги начали быть с того дня, когда Бог сказал: да будет, и кончатся, когда Он скажет: да погибни, но часы Божии быют каждую минуту, тогда как наши – едва полные часы».¹¹⁵ Ибо розенкрейцеры, полагали, а вслед за ними, и, по-видимому, царь Петр, что «равно как наша дверь через много лет столь чудесным образом отверзлась, должна и Европе открыться дверь, которая уже видима (ибо штукатурка удалена) и многими с вожделением ожидается».¹¹⁶ Открытая европейская дверь предполагала «конкретные реформы – образовательные, церковные, правовые – и, сверх того, окрашена миллениаристскими тонами: она должна возратить мир к “состоянию Адама” или, что тоже самое к Сатурнову “золотому веку”». <> “Исповедание”, второй розенкрейцерский манифест, говорит о всеобщей реформации как о предвестии великого возвращения “истины” и “света” – они окружали Адама в раю, и Бог снова пошлет их на землю перед концом мира».¹¹⁷ Более того, под «златом» в розенкрейцерской алхимии «следует понимать не вещественный итог алхимической трансмутации, но духовные сокровища “золотого века” и возвращение к адамической невинности».¹¹⁸ Причем к трансмутации в глобальном масштабе, уведомляло «Исповедание», настало подходящее время: «По достижении миром преддверия Субботы, завершении им своего периода, иначе – оборота, когда он спешит к своему началу, то не кто иной, как Господь Иегова, обращает ход Натуры, и тогда все, что было обретено ценою великих усилий и неустанного труда, открывается не имеющим о том ни сведения, ни даже простого понятия; тем, кто свободною волею того желает, бывает оно вчинено как бы силою, а равно и тем, кто тому противится, – дабы жизнь благочестивых облегчить от тягот и защитить от ударов непостоянной Фортуны, злым же – умножить и увеличить присущее им зло и следуемое за то наказание».¹¹⁹ И, несомненно, в том числе и настроение розенкрейцеровских обращений, дали толчок к замыслу

¹¹² Там же. С. 181.

¹¹³ Там же. С. 180.

¹¹⁴ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 230.

¹¹⁵ Fata Fraternitatis. С. 139.

¹¹⁶ Там же. С. 143.

¹¹⁷ Йеймс Ф. Указ. соч. С. 113.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Confessio Fraternitatis. С. 153–154.

о строительстве новой столицы: «положить новое основание и возвести новую твердыню и крепость Истины, что и было бы исполнить удобнее, нежели, начав было рушить и покидать старое безобразное здание, приступить затем к расширению его преддверия, или прорубать окна в покои, или перестраивать двери и переходы, во всем повинувшись своей прихоти». ¹²⁰

Петр и его ближайшее окружение было, по-видимому, глубоко погружено в розенкрейцеровское служение, имевшее и ритуальные формы. Примером тому может служить «сумасброднейший, всешутейший и всепьянейший собор», в котором большинство исследователей, как и В. О. Ключевский, видели попытки облечение «своего разгула с сотрудниками в канцелярские формы, сделать его постоянным учреждением». ¹²¹ Собор этот по описанию Ключевского «состоял под председательством набольшего шута, носившего титул князя-папы, или всешумнейшего и всешутейшего патриарха московского, кокуйского и всея Яузы. При нем был конклав 12 кардиналов, отъявленных пьяниц и обжор, с огромным штатом таких же епископов, архимандритов и других духовных чинов, носивших прозвища, которые никогда, ни при каком цензурном уставе не появятся в печати. Петр носил в этом соборе сан протодьякона и сам сочинил для него устав, в котором обнаружил не менее законодательной обдуманности, чем в любом своем регламенте». ¹²² Удивительно, что по описанию «в этом уставе определены были до мельчайших подробностей чины избрания и поставления папы и рукоположения на разные степени пьяной иерархии. Первейшей заповедью ордена было напиваться каждодневно и не ложиться спать трезвыми. У собора, целью которого было славить Бахуса питием непомерным, был свой порядок пьянодействия, “служения Бахусу и честнаго обхождения с крепкими напитками”, свои облачения, молитвословия и песнопения, были даже всешутейшие матери-архирейши и игуменьи. Как в древней церкви спрашивали крещаемого: “Веруеши ли?”, так в этом соборе новопринимаемому члену давали вопрос: “Пиеси ли?” Трезвых грешников отлучали от всех кабаков в государстве; иначе мудрствующих еретиков-пьяноборцев предавали анафеме. Одним словом, это была неприличнейшая пародия церковной иерархии и церковного богослужения, казавшаяся набожным людям пагубой души, как бы вероотступлением, противление коему – путь к венцу мученическому». ¹²³

¹²⁰ Там же. С. 156.

¹²¹ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 36.

¹²² Там же. С. 36–37.

¹²³ Там же. С. 37.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.